

СЕТИ И ИЕРАРХИИ ГОРОДОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ ЭКСПАНСИИ*

© 2017 г. В. Мартьянов

Города в контексте трансформации территориальных государств превращаются в важный элемент центр-периферийной модели глобального или позднего Модерна. Значимые факторы и тенденции глобального развития, инновации и образы будущего все больше детерминированы политическими, экономическими, культурными реалиями сетей городов. При этом мировая сеть городов одновременно предстает как совокупность мест, где концентрируются и достижения, и издержки глобализации, что выстраивает мегаполисы не только в сетевом, но и в иерархическом пространстве. Аргументируется целесообразность передачи ряда ресурсов государств на уровень крупных городов и городских сетей, одновременно включенных в региональные, национальные и глобальные сети коммуникаций.

Ключевые слова: мегаполис, глобальный город, сеть городов, урбанизация, нация-государство, неравенство, постиндустриальное общество, мироэкономика, локальный политический режим.

Статья поступила в редакцию 05.09.2016.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-6-57-66

ЭКСПАНСИЯ ГОРОДОВ КАК МЕГАТЕНДЕНЦИЯ И ВЫЗОВ НАЦИЯМ-ГОСУДАРСТВАМ

Проблемы глобального развития в ближайшем будущем все более начнут определяться долгосрочными тенденциями городского развития. Трансформации, которым подвергаются города и их сети, будут оказывать возрастающее влияние на доминирующую политико-экономическую карту мира, представленную территориальными государствами. Миграционные потоки и демографические процессы, происходящие с 1950 и в перспективе до 2050 г., трудно охарактеризовать иначе как мировую революцию городов. Сегодня насчитывается 1009 городских агломераций численность более 0.5 млн человек, с совокупным населением 2.06 млрд человек или 53% глобальной городской популяции [1]. Если в 1990 г. в мире насчитывалось 270 мегаполисов с населением свыше 1 млн человек, то в 2014 их число возросло до 486, а в 2030 г. прогнозируется 662 мегаполиса. И если общее количество городов-миллионников в 1990–2030 гг. возрастает в 2.45 раза, то число городов с населением свыше 10 млн жителей увеличится с 10 до 41 или в 4.1 раза [2, р. 13]. Статистика подтверждает, что производительность труда и объем ВВП

в расчете на душу населения в мегаполисах выше, чем в среднем по национальной экономике. Поэтому мегаполисы выступают важнейшим драйвером модернизации и развития национальных экономик, однако издержки развития мегаполисов часто выносятся за скобки неолиберального экономического дискурса.

После 1995 г. рост мирового населения происходит и будет осуществляться в дальнейшем исключительно за счет увеличения городского населения. Прирост же мирового городского населения является в первую очередь следствием разрастания мегаполисов, концентрирующих все большее количество переселенцев. Это происходит посредством развивающихся стран, так как в развитых странах процесс урбанизации фактически завершился, достигнув отметки в 75–85% от общей численности населения, поэтому прирост городского населения будет близок к нулю. Например, в России городское население, по данным 2011 г., составляло 73.8%, а среднегодовой темп урбанизации в 0.13% с прогнозом к 2050 г. в 81% городского населения позволяет утверждать об окончании модернизационной волны, связанной с переходом страны в XX в. от аграрного к городскому обществу [2, р. 23].

Новый всплеск интереса общественной теории к городскому развитию, к крупным мегаполисам и их сетям инициирован ограниченностью возможностей наций-государств в условиях все более интенсивной глобализации и, как следствие, ростом влияния *альтернативных форм* организации социально-политического порядка. *Естественный этатизм* (С. Сассен) как доминирующая позиция в общественных науках начал обнаруживать свои явные исторические

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, зам. директора по научным вопросам Института философии и права УрО РАН, РФ, 620990 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 (martianov@rambler.ru)

* Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФИП УрО РАН № 15-19-6-6 «Трансформация морально-политических и правовых регуляторов современного общества: взаимодействие национального и глобального пространств».

и методологические ограничения, связанные с прогрессирующим разотождествлением власти, суверенитета и прав с территориальностью. Одной из таких альтернатив территориальному государству стали глобальные города и их ресурсные сети, все более выходящие из-под юрисдикции и политического контроля национально-территориальных политий, и в то же время позволяющие топологически локализовать и организовать глобальные процессы и взаимодействия. Именно глобальные города вновь стали той институциональной формой, в которой противоречивые процессы глобализации и вызовы территориальным государствам проявлены наиболее интенсивно во всех своих взаимоисключающих и мультиплицирующих эффектах. Соответственно, глобальные города во многом несут на себе печать будущего общества, тех проблем, которые спустя некоторое время станут актуальными и для остальных элементов мирового политико-экономического и культурного порядка.

Первоначально институциональные инфраструктуры раннемодерных наций возникали и укреплялись как сети и иерархии городов [3]. Однако позже городские сети и союзы (Ганзейский союз, Ломбардская лига и др.) в силу разных причин утратили политическое влияние и были инкорпорированы в вертикаль территориального управления больших национальных государств. Новый вызов территориальным государствам и включенным в них национальным сетям городов бросают глобальные потоки капитала, концентрирующиеся в транснациональных, мультиэтнических и мультикультурных мировых городах как ценностных, институциональных и управленческих прообразах будущего: «В начале-середине XX в. рост городов и сам феномен “мирового города” рассматривался как безусловное свидетельство геоэкономического успеха соответствующего национального государства... Однако по мере освобождения ресурсных потоков из-под государственной опеки и регулирования... процесс создания мировых городов стал одновременно процессом создания территориальных ловушек для закрепления и удержания мобильного капитала в пределах национальных границ» [4, с. 282]. В настоящее время мировые города вновь демонстрируют все большую степень автономии от национальных политий, позволяя говорить о новом ренессансе городов и их сетей. Причины снижения роли государства в жизни людей в глобальном мире заключаются в том, что оно перестает выполнять историческую роль ключевого модернизатора общества, которая позволяла легитимировать его насилие и принуждение в жизни людей. Модель модернизации аграрного (крестьянского) общества через изъятие и перераспределение ресурсов посредством разветвленной территориальной структуры государственного аппарата не работает в условиях, когда земля и ее производные (зерновые, лес,

скот, пушнина, недра и пр.) перестают быть ведущим экономическим ресурсом.

Меняется роль городских пространств и обществ как в процессах конструирования национальной идентичности, так и в механизмах государственной интеграции: «национальные городские системы оказываются частично ослаблены в связи с тем, что крупнейшие города становятся частью новой набирающей силу транснациональной городской системы... Новая конфигурация центральности в условиях глобализации создает благоприятные экономические и политические обстоятельства для формирования новых притязаний, а, следовательно, и прав, в частности — права на “место”. В конечном итоге, это могло бы стать основанием для появления новых форм “гражданства”» [5, сс. 85-86]. Современные мегаполисы, в которых изобретаются и разветвляются новейшие технологии глобальных преобразований, являются экспериментальными площадками, обозначая как силовые линии социальных конфликтов общества Модерна, так и инновационные механизмы их преодоления. Мегаполисы являются центрами, порождающими и транслирующими технологии, нормы и ценности для социально-географического пространства наций, а возвышающиеся глобальные города уже начинают выполнять эту функцию для мира в целом [6].

Неоднозначность процессов глобализации позволяет исследователям создавать диаметрально противоположные концепции. На одном методологическом полюсе находится идея о выравнивании мирового пространства в ходе глобализации, его экономической, правовой и ценностной унификации, сглаживании жесткой иерархии современных обществ посредством расширения институтов *открытого доступа*. В наиболее последовательном виде данная дискуссионная позиция выражается метафорой *плоского мира* [7]. Вместе с тем существуют альтернативные концепции, доказывающие все большую поляризацию как внутри современных обществ, так и общую дифференциацию человечества, рост социально-экономического неравенства и различий континентов, регионов, стран и классов, например, в дискурсе культурно-географического и климатического детерминизма, различных версий цивилизационного подхода, критики выравнивающего потенциала наций-государств и т.д. [8; 9].

Однако и те, и другие признают, что все большее значение в открытой глобальной экономике приобретают городские агломерации с населением, превышающим 1–2 млн человек. Подобные агломерации постиндустриального мира с наибольшей вероятностью становятся глобальными городами, организующими транснациональные потоки

товаров, инвестиций, информационные коммуникации и торговые сети [6, сс. 85-88]. Если нация-государство территориально *закрепляет* и регулировала отношения труда и капитала, то в настоящее время можно наблюдать детерриториализацию капитала, создающую ему преимущество перед локализованным трудом, не обладающим глобальной мобильностью. Глобальные миграции остаются уделом немногих *людей труда*, а сам труд лишь в узком сегменте постиндустриальности может быть отделен современными средствами коммуникации от своих физических носителей, то есть стать экстратерриториальным. Город как и государство формально является территорией привлечения капитала, которая не может быть столь подвижна, как сам капитал. Однако эта территориальность не имеет самодовлеющего характера, она экономически эфемерна, представляя не столько территорию, сколько *место взаимодействия*, которое растворяется в ряду других более важных ресурсов. Город предлагает не столько территорию, сколько инфраструктуру, коммуникации, рынки сбыта, труд, безопасность, привилегии, пространство постоянных социальных инноваций. И такой капиталистический город так же принципиально отличается от домодерного, как фордовская фабрика от средневековых цехов и артелей, а конвейер от кустарного производства. Постфордистские экономические тенденции и глобальные вызовы приводят к тому, что локальные политические и экономические решения в условиях возрастающей конкуренции, сегментирования и дифференциации рынков, динамичного изменения специализаций оказываются более гибкими и эффективными, чем стратегии развития, связанные с устаревающим централизованным планированием, гигантскими предприятиями, монопрофильностью и неповоротливыми властно-бюрократическими иерархиями национальных государств [10, сс. 40-41].

Крепнущая сеть глобальных городов является одним из очевидных признаков глобализации как *мегатенденции*, которая все более принимает незападный вид, бросая вызов системе наций-государств — основе модерного политического пространства. По мнению авторов доклада Национального разведывательного совета США, "...новая линия раскола будет проходить между теми странами и даже их отдельными частями, которые интегрируются в мировое сообщество, и теми территориями, которые не сделают этого по экономическим, политическим или социальным причинам. Для тех мегагородов или центров деятельности, которые станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы" [11, с. 10]. Первая

десять глобальных городов дает 10% мирового ВВП, а 10% мировых авиапассажирских и авиагрузовых перевозок обеспечивают всего четыре агломерации: Париж, Лондон, Нью-Йорк и Токио [12]. *Глобальные города могут быть представлены как сгущение, наложение и динамическое взаимодействие разных экономических, политических, культурных, интеллектуальных сетей, в которых правила и институты политических наций все менее императивны в обеспечении функционирования транснациональных сетей.* Взаимосвязи таких городов становятся не менее сильными, чем их формальная связь с национальной территорией. Они формируют стандарты единого глобального пространства, связанного с обслуживанием интересов транснациональных корпораций в сферах финансовых, страховых, юридических, аудиторских, рекламных, консалтинговых, научных и логистических услуг.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Было бы слишком опрометчиво в контексте роста влияния сетей городов списывать со счетов будущего национальные государства. Например, в странах Евро-17 доля госрасходов в ВВП составляла в 2011 г. 49.4%, в США — 42.5 (2010 г.), в России — 41.8% (2009 г.), не демонстрируя явной тенденции к снижению [13]. Генерируя и контролируя распределение от четверти до половины национальных доходов в разных регионах мира, государства по определению не могут быть проигнорированы в рассуждениях о гораздо более партикулярном влиянии и ресурсах глобальных городов. Современные государства способны эффективно отвечать на вызовы негосударственных акторов глобальной экономики, прежде всего сетей глобальных городов и ТНК. Для контроля глобальных взаимодействий и создания единых правил на глобальных рынках государства способны аккумулировать необходимые экономические ресурсы и вырабатывать согласованные политические стратегии, правовые пространства и торговые режимы на площадках ООН, ВТО, ЕС, МВФ, БРИКС, АСЕАН, *G8* и *G20*, а также иных международных и региональных объединений.

В подобном контексте не критичная фокусировка исследований лишь на сетях глобальных городов приводит к игнорированию сохраняющегося влияния на городской порядок нормативных пространств национальных государств: "...мир, в котором существуют и функционируют города, — это мир, разделенный на национальные государства и связанный сетевизированными глобальными потоками" [14, с. 37]. Несмотря на то что в условиях все большей глобальной

взаимозависимости современных обществ поиск подтверждающих этот факт тенденций и процессов с последующей выработкой постнациональной теории социальных наук стал привилегированным направлением развития этих обществ, суверенные территориальные нации продолжают оставаться доминирующими субъектами, определяющими правила жизни человечества. Поэтому реальное влияние наций-государств на экономически независимые от национального окружения глобальные города представляется большим, нежели в урбанистических теориях С. Сассен [15], Д. Фридмана [16] или П. Тейлора [17], чересчур поспешно провозглашающих радикальную эмансипацию глобальных городов от поддержки/влияния национальных пространств и контекстов [14]. Экономическая эффективность сетей глобальных городов в условиях нарастания институциональных вызовов территориальным государствам оказывается амбивалентной — это рост, усиливающий неравенство и территориальную сегрегацию, в том числе деградацию периферийных районов, которые город не может контролировать и поддерживать в них минимальные стандарты безопасности и жизнедеятельности. Это рост, оборачивающийся социальным напряжением и издержками, которые города стремятся сбросить вовне, то есть переложить на национальные государства и окружающие пространства с помощью асимметричного обмена ресурсами. И если в развитом мире такая стратегия еще возможна, то на периферии мироэкономики города зачастую остаются со своими проблемами наедине.

Поэтому выстраивание будущей глобальной экономической географии по опорным точкам сети глобальных городов представляется слишком редуционистским подходом. В то же время трудно отрицать эмпирически фиксируемое и растущее значение этой сети для целей генерации, концентрации и распределения транснациональных потоков глобального капитала, труда, технологий. Возвышение глобальных городов и их эмансипация от национального пространства связана с их ролью в обеспечении деятельности транснациональных корпораций, размещающих в них сети своих подразделений, филиалов и представительств, опирающихся на сервисные возможности, инфраструктуру и потребительский спрос глобальных городов. Рост транснациональных корпораций и глобальных городов оказывается тесно связан, позволяя динамичными сетевыми способами осуществлять концентрацию, управление и распределение человеческих ресурсов и капиталов в общемировом масштабе.

Вместе с тем глобальные города никогда полностью не превращаются в плотные наложения и пересечения сетевых потоков. Являясь местом их развертывания, они далеко несводимы только к указанным процессам, обладая собственной территориальной логикой становления относительно окружающей периферии. Это лишнее подтверждает значимость и неизбежность существования глобальных городов как *мест*, то есть в территориальном измерении, а также регуляцию их институционального воспроизводства, обеспечения первоочередных нужд жителей города (продовольствие, транспорт, жилье, безопасность и пр.) именно в национальных политических координатах. Проходящие через глобальный город транснациональные финансовые потоки — это лишь часть факторов влияния на его развитие, которые в искусственном отрыве от более традиционных элементов не могут сами по себе ни удовлетворительно объяснить, ни тем более обеспечить общую логику и принципы функционирования глобальных городов, выдавая за таковые лишь глобализированную часть экономики города. Например, в 2000 г., в Лондоне из 3.5 млн работающих лишь 0.34 млн занятых были обеспечены работой благодаря внешним рынкам, в то время как 3.16 млн человек занимались деятельностью, обеспечивающей потребности внутригородского и национального рынка [18]. Даже с учетом неравномерности доходов в разных секторах городской экономики, почти 10-кратная разница в количестве занятых не позволяет релевантно рассматривать Лондон, действительно являющийся крупнейшим глобальным финансовым центром, лишь в его функциональном измерении глобального города.

Богатства и ресурсы, аккумулированные в глобальных городах, с трудом просачиваются на их географические и социальные периферии, на нижние этажи общественной иерархии, что позволяет утверждать как минимум о двойственном характере и результатах модернизационных процессов, осуществляющихся в глобальных городах [19]. В силу увеличения скорости социальных изменений происходит радикализация городской неодновременности. Спящий потенциал выравнивания качества жизни, имеющийся в глобальных городах и противостоящий процессам радикализации различий, в первую очередь может быть связан с их космополитическим характером. Когда эти города, раскинутые по разным континентам, имеют в силу растущей сетевизации больше общих черт, чем отдельно взятый глобальный город и его собственная периферия. Необходимость эффективного функционирования в составе мировой сети фактически *обрекает* глобальные города на выработку

все более универсальных (космополитических) социальных и экономических норм и стандартов, применимых к любому из них в равной степени и требующих в качестве своего условия политики выравнивания возможностей для городского сообщества создания общего культурного ландшафта.

КРУПНЕЙШИЕ ГОРОДА ПЕРИФЕРИИ МИРОСИСТЕМЫ: РОСТ БЕЗ РАЗВИТИЯ

Подсчеты показывают, что численный рост мегаполисов производит положительный эффект лишь до определенного предела “около семи миллионов жителей, после чего корреляция между размером мегаполиса и уровнем доходов становится отрицательной – в качестве примеров можно назвать Сеул, Мехико, Стамбул и Токио” [20, pp. 15-16]. Более того, сравнительное исследование 78 крупнейших мегаполисов стран, входящих в «Организацию экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) показывает, что в мегаполисах обычно более высокий, чем в среднем по стране, уровень безработицы, социально-экономического неравенства, преступности и загрязнения окружающей среды. При этом экономическая активность населения более низкая. Таким образом, внеэкономические и некалькулируемые издержки экономического роста, связанные с глобальными городами, в значительной мере обесценивают их лидерство. Последнее достигается за счет эксплуатации различных периферий, которая отсекается от расчета итоговых результатов развития, будь то нелегальная занятость в теневом секторе, плохая экология или рост экономического и политического неравенства населения городов.

Критические пределы урбанизации проявляются тогда, когда мегаполисы начинают разрушать свою периферию, а их собственный рост предстает как стихийное увеличение городского населения, которому город неспособен обеспечить минимальные стандарты достойной жизни. В результате *баланс городского населения резко смещается в сторону жителей разнообразных окраин, трущоб и гетто, оказавшихся в силу разных, прежде всего экономических, обстоятельств вне традиционного сельского образа жизни, но в то же время не получивших права на город*. Однако, если “какое-то время в деревне будет проживать большинство бедного населения всего мира, то к 2035 г. городские трущобы опередят ее” [21, с. 113]. Их мобильность в настоящее время ограничена гораздо больше, чем у *лишних* европейцев, добровольно выезжавших или высылаемых в XIX – начале XX в. из перенаселенной Европы с целью освоения колоний и зависимых территорий. Несмотря на то что с 2000 по 2012 г. численность жителей трущоб

в городах развивающихся стран снизилась с 39 до 33%, их фактическое количество вследствие форсированной урбанизации возросло с 760 до 863 млн человек [22, p. 50].

Соответственно, урбанизация не всегда является безусловным благом и синонимом прогресса для конкретных обществ. Особенно, будучи вынужденной реакцией периферии капиталистической миросистемы на глобализацию. Статистическое обобщение мирового опыта *форсированных модернизаций и урбанизаций* в XX в. убедительно показывает взаимосвязь стремительного роста городского населения с политической нестабильностью и гражданскими войнами. Быстрый рост городов за счет *лишних* молодых поколений, исходящих из сельской местности на фоне высокого демографического прироста, часто приводит лишь к сокращению ВВП на душу населения и нестабильности политического порядка. Подобная *мальтузианская ловушка* чревата маргинализацией значительных городских слоев, не имеющих постоянного рабочего места, что в случае неблагоприятных экономических процессов запускает эскалацию массовых недовольств бедного населения в городах, легитимируемого классовой, этнической и религиозной риторикой [23, с. 45]. Крупнейшие мировые агломерации в центр-периферийной перспективе предстают как географические центры, безвозвратно изымающие ресурсы из своей периферии, которой может быть прилегающая территория, отдельный регион, страна и даже мир в целом. *Однако за пределами центра миросистемы мегаполисы стран третьего мира существуют, прежде всего, в виде географически сконденсированной периферии, со всеми ее социально-экономическими проблемами.*

Далеко не всем городам с формальной численностью глобального города удастся стать привлекательными в мировом масштабе. В стремительно растущие мегаполисы стран периферии миросистемы (Мумбаи, Карачи, Манила, Богота, Киншаса, Лагос, Каир, Сан-Паулу и др.) влилось огромное количество безработных крестьян, живущих в хаотично расширяющихся трущобных окраинах, которые фактически борются за выживание. Внутренние проблемы обеспечения жизнедеятельности подобных городов поглощают все их ограниченные ресурсы. Этот многомиллионный поток вынужденных сельских мигрантов и безработных превращает мегаполисы на периферии капиталистической миросистемы отнюдь не в глобальные или креативные города, но в источник постоянно растущих экономических, экологических и социально-политических проблем, место постоянных вызовов для периферийной государственности. Мегаполисы развивающихся стран обладают лишь условным

территориальным единством, которое при более пристальном рассмотрении оказывается лишь механическим скоплением людей в *каменных джунглях*, не обладающих общими стратегиями городской жизни и не формирующих дееспособного ядра самостоятельного городского сообщества, определяющего приоритеты городского развития. Для большинства населения город не может предложить ни элементарной стабильной и *белой* занятости, ни перспективы достойного будущего в коллективном аду бесконечного физического выживания в нечеловеческих условиях. Такой город существует лишь как *место*, но не *сообщество*, не имеет включающих (инклюзивных) институтов и поддерживающих их субъектов, а потому не нуждается в составляющих его людях. Горожане рассматриваются как обременение для привилегированных социальных слоев, а вовсе не как главный капитал городской экономики. Поэтому общая география не является препятствием для радикальной классовой сегрегации.

Стоит особо отметить, что *а) глобальные и б) наиболее населенные города мира совпадают скорее в виде исключения, чем правила*. Среди 10 крупнейших по населению агломераций мира лишь две связаны с глобальными городами (Токио (1-е место) и Нью-Йорк (9-е место)) [2, р. 26]). В то же время остальные представляют перенаселенные мегаполисы развивающегося мира, не столько эффективно включенные в глобальные финансовые, товарные и трудовые потоки, сколько обремененные решением все более нерешаемых проблем элементарного выживания постоянно растущего населения (Дели, Сан-Паулу, Мумбаи, Мехико, Шанхай, Калькутта, Дакка, Карачи и др.). Соответственно, численный рост и реальное экономическое развитие, а тем более улучшение человеческого потенциала крупнейших мировых городов не только не тождественны, но и часто прямо противоречат друг другу. Постиндустриальным городам центра миросистемы, производящим наибольшую прибавочную стоимость, чье количество и население в последние годы почти не растет (Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио и ряд других), противостоят все более многочисленные, но при этом вовсе не глобальные города периферии. Они концентрируют в своих трущобах, бидонвилях и фавелах потоки безработного аграрного населения, которым нет места в глобальной экономике и которые стремительно пополняют ряды *прекариата* [24]. Как показывает практика, к таким мегаполисам *рецепты постиндустриальных теорий и креативных городов, релевантные и эффективные в условиях развитых рынков, оказываются просто не применимы в силу их периферийности в миросистеме и недостатка капитала на осуществление необходимых преобразований*.

Таким образом, к 2050 г. 2/3 мирового населения действительно будет проживать в городах. Однако это не всегда и везде будут креативные, глобальные и постиндустриальные города. Их большую часть составят огромные мегаполисы в беднейших странах Азии, Африки, Латинской Америки, которые дадут подавляющую часть мирового демографического прироста. Это будут опасные, вредные для здоровья и не дающие горожанам перспектив социального развития городские пространства. Концентрация в них бедной, необразованной, безработной молодежи станет главным фактором глобальной дуги нестабильности стран Третьего мира, а значит и глобального мира в целом, связанной с политической и экономической неустойчивостью государственных режимов мировой периферии, ростом теневой и криминальной экономики, усилением миграционного давления на развитые страны, формированием архаизирующих идентичностей, всплеском фундаменталистских настроений, терроризма и интенсификацией локальных, региональных, межстрановых военных конфликтов.

ГОРОД БУДУЩЕГО

Плановое и предсказуемое управление городами индустриальной эпохи в настоящее время обнаруживает рост разнообразных рисков и угроз. Крупные градообразующие предприятия и отрасли, определявшие массовые стратегии занятости фордистской экономики и лояльного потребительского поведения, уходят в прошлое, сопровождая нарастание системного кризиса государства всеобщего благосостояния. А сверхурбанизация, как показывает новейший мировой и российский опыт, часто является лишь следствием совокупности негативных экономических процессов, вынужденным миграционным решением множества людей, которое не только не способствует пространственной модернизации конкретного общества, но и приводит к критическим дисбалансам развития сетей городов, выраженной в их радикальной иерархизации.

Любой современный город является местом постоянной борьбы капиталистической логики, стремящейся вывести за скобки социальные издержки, и политических стратегий, ориентированных на более широкий контекст развития, подчиняющий частные интересы общему благу. Более того, именно политическая логика ведет к умножению общественных благ, которые являются условием развития человеческого и социального капитала города, все более значимых в постиндустриальной экономике — доверие, безопасность, общественный транспорт, здравоохранение, образование, наука и т.п. Это предполагает переход от логики отстаивания

партикулярных интересов к деятельности, направленной на публичное признание интересов существующих социальных групп. Когда обнаруживается, что взаимное признание подразумевает взаимодействие в общих интересах городского сообщества и деятельность, направленную на расширение перечня доступных общественных благ.

Представляется, что любой успешный мегаполис реализует возможность максимального доступа к общественным ресурсам и благам для каждого своего жителя. В долгосрочной эгалитарной перспективе экономически, политически и этически приоритетна модель города, ориентированная на возможность максимального доступа к общественным ресурсам и благам для каждого жителя. Тем самым претворяя его *право на город* как коллективное право, которое реализуемо только в публичном пространстве. Как пишет Дэвид Харви, "...это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни... Неотчуждаемое право на город покоится на способности побуждать открытые пространства города к протесту и оспариванию... Право на город – это не дар. Его должно завоевать себе политическое движение" [25, сс. 93-94].

Важной долговременной тенденцией в мировом урбанистическом процессе может стать снижение плотности населения мегаполисов в развитых странах. Плотность населения в центрах мировых городов падает вследствие того, что они превращаются в агломерации, либо периферия (субурбия) начинает развиваться активнее исчерпавшего пределы развития городского ядра. Поэтому в процессе *субурбанизации* общая площадь и население городов растут, но плотность населения при этом снижается, а малые и средние города берут своеобразный реванш по качеству жизни у крупных мегаполисов [26]. Эта тенденция обусловлена как деиндустриализацией и выносом из городов массовых производств, так и агломерационными эффектами, связанными с развитием транспортной инфраструктуры, флексибилизацией и сетевизацией труда, ростом популярности более дешевых для жизни, спокойных и экологичных пригородов. В постиндустриальном мире вследствие выравнивания экономической, географической, образовательной, информационной, потребительской дифференциации доступа граждан к ресурсам, привлекательность мегаполисов для потенциальных внутренних мигрантов постоянно падает, а капитализация малых и средних городов, наоборот, растет.

Деконцентрация населения крупных городов проявляет очень важный для будущего мирового

городского развития фактор – постфордистская глобальная экономика все менее нуждается в формате массовых товарных производств и дисциплинарных порядков крупных городов, лишаящихся своих привычных инфраструктурных преимуществ [27]. Поэтому набирающая обороты глобальная урбанизация со временем может принципиально изменить свое нынешнее лицо, которое сегодня выглядит как нарастающая концентрация населения в мегаполисах полу- и периферии капиталистической миростемы с параллельной радикализацией центр-периферийных контрастов внутри и вовне этих городов. Когда в условиях нерешенности, а тем более накопления неразрешимости вчерашних и сегодняшних проблем периферийных мегаполисов, обращение к будущим возможностям неосуществимо, поскольку завтра, если и наступит, то скорей всего в виде катастрофы.

В оптимистической перспективе процессы мировой модернизации дают *шанс* на сглаживание неодновременности развития и неравенства мировых регионов, центра и периферии, вследствие опережающего роста производительности труда в развивающихся странах и замедления развития *вынужденно* постиндустриальных стран. Например, по прогнозу Всемирного банка, средний прирост развитых стран за 2012–2016 гг. планируется в пределах 9.8%, в то время как средний прирост ВВП развивающихся стран ожидается на уровне 27%, что на 60% превышает средние темпы роста этих стран за аналогичные периоды в 80–90-е годы XX в. [28, р. 16]. Подобные процессы в случае их осуществления могут принципиально изменить сложившуюся иерархию мировых городов. В частности, начавшееся экономическое возвышение Азиатско-Тихоокеанского региона обеспечивает серьезное продвижение в индексах глобализации его крупнейших городов. Если в 20-е наиболее глобализированных городов в 2014 г. присутствует шесть азиатских мегаполисов (Токио, Гонконг, Пекин, Сингапур, Сеул, Шанхай) против семи европейских (Лондон, Париж, Брюссель, Мадрид, Вена, Москва, Берлин), то в 20-е наиболее динамично развивающихся мегаполисов мира (*Emerging Cities*) насчитывается уже 10 азиатских мегаполисов, при полном отсутствии европейских городов [29]. Однако трансформация привычной иерархии сама по себе не означает реализацию ее альтернатив в виде более эгалитарных городских сетей, где города расположенные на вершине пирамиды не эксплуатируют ресурсы нижних звеньев городских сетей. В негативном сценарии иерархии могут лишь поменять свою географию, не затронув накопившихся проблем глобального городского развития.

* * *

Глобализация актуализирует возрождение политических форм региональных, национальных и глобальных сетей городов, которые в раннемодерный период были вытеснены на периферию политического процесса территориальными нациями. Новейшей политической, географической и экономической платформой капиталистической мироэкономики помимо территориальных национальных государств становятся сети глобальных городов, по-новому организующие мировое разделение труда и потоки ресурсов. В условиях глобального Модерна национальные территориальные государства теряют историческую роль авангарда развития. Важная роль государств в организации глобального политического порядка сохраняется, но в то же время значимые тенденции глобального развития, социальные инновации и образы будущего в рамках центр-периферийной модели все больше детерминированы политическими, экономическими, культурными реалиями национальных и глобальных сетей городов. В них функционируют все более автономные от национальных регулятивных пространств крупнейшие фондовые биржи, мировые банки, штаб-квартиры транснациональных корпораций. Формально принадлежа к местному самоуправлению, мировые города де-факто преодолевают национальные иерархии и юрисдикции, становясь местом концентрации мировых финансовых потоков и генерации важнейших экономических стратегий ведущих негосударственных экономических акторов. Крупные мегаполисы являются центрами экономической модернизации и центрами власти, как в государственном, так и в транснациональном масштабе.

Сети мегаполисов одновременно предстают как структуры, в которых концентрируются достижения и издержки глобального прогресса. Причем в городах постиндустриальных стран скорее концентрируются выгоды, а в мегаполисах стремительно урбанизирующейся периферии миросистемы — издержки, связанные с радикализацией мирового неравенства, ростом безработицы и конкуренции за жизненное пространство, расширением *прекариата*, вынужденными миграционными потоками, экономическими конфликтами в этноконфессиональной оболочке и т.д. Решение указанных проблем ранее было связано с ресурсами государства, которое справляется с ними все менее успешно, в том числе потому, что “когда власти лишь реагируют на уже возникшие проблемы, они, в сущности, идут на поводу у этих проблем и вынуждены решать их методами, которые подсказывают сами эти проблемы. В результате они продвигаются от кризиса к кризису и занимаются вчерашними проблемами, а не завтрашними возможностями” [30, с. 85]. Утрата национальным государством роли субъекта органической модернизации влечет закономерный выход в виде делегирования с национального уровня вниз ряда ресурсов, полномочий и ответственности более успешным агентам развития — мегаполисам и их сетям, одновременно присутствующим на локальном, национальном и глобальном уровнях. Представляется, что последние при большей автономии способны результативней решать свои повседневные проблемы. Национальные платформы городов могут стать более успешным локомотивом поздней модернизации, опирающейся, прежде всего, на социальный и человеческий капитал, чем государство и его агенты, выполнившие в исторический период задачи первоначальной модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Demographia World Urban Areas*. 11th Annual Edition: January 2015. Available at: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (accessed 04.04.2016).
2. *2014 Revision of the World Urbanization Prospects*. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf> (accessed 04.04.2016).
3. Spruyt H. *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems Change*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1994. 288 p.
4. Панкевич Н. В. Территориальная организация политического пространства: в поисках альтернатив. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2009, № 9, сс. 275-289. [Pankevich N. V. Territorial'naya organizatsiya politicheskogo prostranstva: v poiskakh al'ternativ [The Territorial Organization of Political Space: Searching for Alternatives]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2009, no. 9, pp. 275-289.]
5. Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. 2013, т. 13, № 4, сс. 74-100. [Sassen S. Gorod kak prizma dlya sotsial'noi teorii: novye issledovatel'skie perspektivy [The City: Its Return as a Lens for Social Theory]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2013, vol. 13, no. 4, pp. 74-100.]

6. Панкевич Н. Мегалополисы в поисках суверенитета. *Свободная мысль*, 2009, № 11, сс. 85-98. [Pankevich N. Megapolisy v poiskakh suvereniteta [Megacities in Search of Sovereignty]. *Svobodnaya mysl'*, 2009, no. 11, pp. 85-98.]
7. Friedman T. *The World is Flat*. US: Farrar, Straus and Giroux, 2005. 488 p.
8. Sassen S. Globalization or Denationalization? *Review of International Political Economy*, February 2003, no. 10 (1), pp. 1-22.
9. Манн М., Райли Д. Макрорегиональные тенденции неравенства глобального распределения дохода (1950–2000). *Прогнозис*, 2009, № 2, сс. 72-108. [Mann M., Riley D. Makroregional'nye tendentsii neravenstva global'nogo raspredeleniya dokhoda (1950–2000). [Macro-Regional Trends in Global Income Distribution Inequality (1950–2000)]. *Prognosis*, 2009, no. 2, pp. 72-108.]
10. Шевчук А. В. *Постфордистские концепции (критический анализ)*. Казань, 2000. 81 с. [Shevchuk A. V. *Postfordistskie kontseptsii (kriticheskii analiz)* [Post-Fordist Concept (the Critical Analysis)]. Kazan', 2000. 81 p.] Available at: http://ecsosman.hse.ru/data/634/686/1219/Shevchuk_PostfordistTheories2000.pdf (accessed 04.04.2016).
11. *Россия и мир в 2020 году*. Москва, Европа, 2005. 226 с. [*Rossiya i mir v 2020 godu* [Russia and the World in 2020]. Moscow, Evropa, 2005. 226 p.]
12. Слука Н. Глобальные города. *Эксперт*, 2008, № 15 (604). [Sluka N. Global'nye goroda. [Global Cities]. *Ekspert*, 2008, no. 15 (604).] Available at: http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/ (accessed 04.04.2016).
13. *Statistical OECD Website*. Available at: http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=SNA_TABLE1 (accessed 04.04.2016).
14. Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2013, т. 16, № 1, сс. 20-40. [Therborn G. Kak ponyat' goroda: sovremennyy krizis i ideya gorodov bez gosudarstva. [How to Understand the City: the Current Crisis and the Idea of Cities Without a State]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2013, vol. 16, no. 1, pp. 20-40.]
15. Sassen S. *The Global City*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 1991. 480 p.
16. Friedmann J. The World City Hypothesis. *World Cities in a World-System*. Knox P.L., Taylor P.J., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 317-330.
17. Taylor P.J. World Cities and Territorial States: the Rise and Fall of Their Mutuality. *World Cities in a World-System*. Knox P.L., Taylor P.J., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 48-62.
18. Gordon I. Capital Needs, Capital Growth and Global City Rhetoric in Mayor Livingstone's London Plan. *GaWC Research Bulletin*, 2004, no. 145. Available at: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb145.html> (accessed 04.04.2016).
19. Mollenkopf J.-H., Castells M. *Dual City: Restructuring*. New York, Russell Sage Foundation, 1991. 492 p.
20. *OECD Territorial Reviews: Competitive Cities in the Global Economy*. OECD Publishing, 2006. 446 p.
21. Дэвис М. Планета трущоб. *Логос*, 2008, № 3, сс. 108-129. [Devis M. Planeta trushchob [Planet of Slums]. *Logos*, 2008, no. 3, pp. 108-129.]
22. *ООН: Цели развития тысячелетия: доклад за 2013 год*. [United Nations: The Millennium Development Goals Report 2013 (In Russ.)] Available at: <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2013/Russian2013.pdf> (accessed 04.04.2016).
23. Гринин Л.Е., Коротаев А. В. Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *ПОЛИС: Политические исследования*, 2009, № 4, сс. 34-52. [Grinin L.E., Korotaev A. V. Urbanizatsiya i politicheskaya nestabil'nost': k razrabotke matematicheskikh modelei politicheskikh protsessov [Urbanization and Political Instability: Towards Developing Mathematical Models of Political Processes]. *POLIS. Political Studies*, 2009, no. 4, pp. 34-52.]
24. Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*. London, Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
25. Харви Д. Право на город. *Логос*, 2008, № 3, сс. 80-94. [Harvey D. Pravo na gorod [Right to the City]. *Logos*, 2008, no. 3, pp. 80-94.]
26. Wendell Cox. *World Megacities: Densities Fall as they Become Larger*. Available at: <http://www.newgeography.com/content/004835-world-megacities-densities-fall-they-become-larger> (accessed 04.04.2016).
27. Ильченко М.С., Мартыянов В.С., под ред. *Постфордизм: концепции, институты, практики*. Москва, Политическая энциклопедия, 2015. 280 с. [Il'chenko M.S., Mart'yanov V.S., eds. *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 280 p.]
28. The World Bank. 2014. *Global Economic Prospects*, vol. 8. January 2014. World Bank, Washington. Available at: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2014a/GEP2014a.pdf> (accessed 04.04.2016).
29. *2014: Global Cities Index and Emerging Cities Outlook*. Available at: <http://www.atkearney.com/documents/10192/4461158/Global+Cities+Present+and+Future-GCI+2014.pdf/6934ce00-4a4e-4273-932d-bf0a3837e52b> (accessed 04.04.2016).
30. Лэндри Ч. *Креативный город*. Москва, Издательский дом "Классика-XXI", 2011. 399 с. [Landry Ch. *Kreativnyi gorod* [Creative City]. Moscow, Izdatel'skii dom "Klassika-XXI", 2011. 399 p.]

**NETWORK AND THE HIERARCHY OF THE CITIES IN THE GLOBAL WORLD:
CHALLENGE TO NATION-STATES AND LIMITS OF THE EXPANSION**

(World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 6, pp. 57-66)

Received 05.09.2016.

Viktor S. MART'YANOV (martianovy@rambler.ru),

Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences (Ural Branch), 16, S. Kovalevskoi Str., Ekaterinburg 620990, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by the Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences (Ural Branch). Research project no. 15-19-6-6 "The Transformation of Moral-Political and Legal Regulators of a Modern Society: Interaction between National and Global Space".

Due to ongoing partial demise and transformations of nation-states, the cities and urban networks which were constitutive for political and economic order of the early Modernity restore themselves as an important element of global or late Modernity institutional system. Significant trends of global development, social institutes and images of the future within the centre-periphery model are rather determined by political, economic and cultural realities of urban networks than that of nation-states. At the same time, an urban network is constituted as an aggregation of places which accumulate achievements and disadvantages of globalization that distributes megapolises not only as nodes of a network, but also as levels in hierarchical spaces. On the one hand, post-industrial global cities concentrate the creative class, world finances, expertise and governance that enables them to determine priorities of social development. But the degree of their emancipation from national contexts has limits due to their focus on organizing and supporting financial, information and service segments of the global market. Start requirements to become a part of this network are unachievable for the majority of urban centers in the world. They face different problems related to agendas of survival, modernization and diversification of major enterprises and economic branches. On the other hand, both the biggest and growing megapolises of the capitalist world-system periphery and industrial cities of its centre demonstrate enlargement without development and accumulate unsolved social problems. The article posits that within a growing hierarchization and differentiation of the world urban networks which distribute advantages in the cities of post-industrial core and allocate disadvantages in periphery, the new development factor is delegation of resources, functions and responsibility from nation-states to the level of big cities and urban networks. It is proposed that the increase of an urban autonomy will raise the effectiveness of the urban development daily problems solution, given that cities have a richer potential to become successful locomotives of development than nation-states and their agents.

Keywords: megapolis, global city, urban network, urbanization, nation-state, inequality, post-industrial society, World-Economy, local political regime.

About author:

Viktor S. MART'YANOV, Candidate of Political Sciences, Deputy Director.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-6-57-66